

Русский-советский писатель Константин Паустовский, которого люди моего поколения знают, как автора рассказов о природе, писал не только о ней. Во время петлюровской оккупации Киева, он жил в городе и оставил потрясающее свидетельство о том времени.

Удивительно, но рассказ К. Паустовского «Фиолетовый луч» напомнит знакомые картины сегодняшней украинской государственности. Просто один в один.

Но сначала небольшая историческая справка, для тех, кто не знает или забыл историю России.

В период правления предателей из Временного правительства, в марте 1917 года в Киеве была «самопровозглашена» Центральная Рада – то есть парламент, который никто не выбирал. «В мае Временное правительство получило от Рады пожелания, чтобы: 1) был издан особый правительственный акт с принципиальным признанием автономии Украины; 2) немедленно были выделены в особую административную единицу 12 губерний с украинским населением и переданы в управление краевого Совета; 3) при Временном правительстве был установлен особый комиссар по делам Украины; 4) было учреждено [особое украинское войско](#)».

Далее в июле 1917 года Рада заявила о том, что она [управляет Украиной](#). Напомню, что на тот момент государства Украина никогда не было и не было части Российской Империи под названием «Украина», с четко очерченными границами. Российская империя состояла из губерний, никакого другого административного деления на автономные области, национальные республики и т.п. не существовало.

И вот Рада (орган, который никто не выбирал), заявила, что она обладает полнотой власти на территории, границы которой никем не обозначены и никогда не обозначались. При этом Рада обладает полнотой власти над непонятным количеством миллионов людей, которые проживают на этой не имеющей границ территории. О том, что население Южных губерний России, Малороссии никого не уполномочивало проводить такие действия, упоминать излишне.

Что сделало Временное правительство? Оно... согласилось с Радой. Согласилось с созданием внутри России (пока ещё внутри) непонятого квазигосударственного образования под названием Украина. Это было прямое предательство интересов России. Это был первый шаг к разделению единого русского народа на **составные части**. Это и есть истоки нынешней кровавой драмы на Донбассе, которая была многоактовой, но первый акт которой начался летом 1917 года.

После Октября 1917 года Центральная Рада объявила о создании независимого украинского государства и направила свою отдельную делегацию для подписания мира с немцами. Однако быстрое распространение советской власти привело к тому, что на переговорах в Бресте Троцкий справедливо заявлял, что «власть Центральной Рады распространяется только на его **комнату в Брест-Литовске**».

В итоге Центральная Рада подписала мир с Германией РАНЬШЕ большевиков. После чего «въехала» в немецком обозе в Киев. Через очень короткий промежуток времени в зал заседаний Центральной Рады зашел немецкий лейтенант с солдатами и приказал всем депутатам встать и убираться вон. Они встали и вышли. На этом период «демократии» в Киеве закончился. Немцы провозгласили Украину монархией во главе с гетманом Скоропадским. Этот марионеточный режим просуществовал с весны 1917 до декабря 1917 года. После чего в Киев вошли петлюровские части. То есть войска украинских националистов-социалистов во главе с Симоном Петлюрой. Этаким аналогом Керенского. Этот момент истории прекрасно описан у Булгакова («Белая гвардия» (Дни Турбинных)). Во время вхождения в Киев петлюровцы зверски убивали русских офицеров. В том числе импременно возле памятника Богдану Хмельницкому был убит генерал граф Келлер (лучшая шашка империи) – один из двух командиров армии, которые в своих телеграммах поддержали Николая II и чьи обращения, генерал Алексеев царю так и не показал.

Период опереточного правления Петлюры, как раз и описывает в своем рассказе «Фиолетовый луч» К. Паустовский. Петлюра вошел

в Киев 14 декабря 1918 года, красные вошли в Киев 5 февраля 1919 года.

На этом чехарда властей не закончилась, но это уже совсем другая история...

Фиолетовый луч

Источник: <http://paustovskiy.niv.ru/>

«Кричать во весь голос «слава!» несравненно труднее, чем «ура!». Как ни кричи, а не добьешься могучих раскатов. Издали всегда будет казаться, что кричат не «слава», а «ава», «ава», «ава»! В общем, слово это оказалось неудобным для парадов и проявления народных восторгов. Особенно когда проявляли их пожилые громадяне в смушковых шапках и вытащенных из сундуков помятых жупанах.

Поэтому, когда наутро я услышал из своей комнаты возгласы «ава, ава», я догадался, что в Киев въезжает на белом коне сам «атаман украинского войска и гайдамацкого коша» пан Петлюра.

Накануне по городу были расклеены объявления от коменданта. В них с эпическим спокойствием и полным отсутствием юмора сообщалось, что Петлюра въедет в Киев во главе правительства – Директории – на белом коне, подаренном ему жмеринскими железнодорожниками.

Почему жмеринские железнодорожники подарили Петлюре именно коня, а не дрезину или хотя бы маневровый паровоз, было непонятно.

Петлюра не обманул ожиданий киевских горничных, торговок, гувернанток и лавочников. Он действительно въехал в завоеванный город на довольно смирном белом коне.

Коня покрывала голубая попона, обшитая желтой каймой. На Петлюре же был защитный жупан на вате. Единственное украшение – кривая запорожская сабля, взятая, очевидно, из музея, – била его по ляжкам. Щирые украинцы с благоговением взирали на эту

казацкую «шаблюку», на бледного припухлого Петлюру и на гайдамаков, что гарцевали позади Петлюры на косматых конях.

Гайдамаки с длинными синевато-черными чубами – оселедцами – на бритых головах (чубы эти свешивались из-под папах) напоминали мне детство и украинский театр. Там такие же гайдамаки с подведенными синькой глазами залихватски откалывали гопак. «Гоп, куме, не журысь, туды-сюды повернысь!»

У каждого народа есть свои особенности, свои достойные черты. Но люди, захлебывающиеся слюной от умиления перед своим народом и лишенные чувства меры, всегда доводят эти национальные черты до смехотворных размеров, до патоки, до отвращения. Поэтому нет злейших врагов у своего народа, чем квасные патриоты.

Петлюра пытался возродить слащавую Украину. Но ничего из этого, конечно, не вышло.

Вслед за Петлюрой ехала Директория – неврастении писатель Винниченко, а за ним – какие-то замшелые и никому неведомые министры.

Так началась в Киеве короткая легкомысленная власть Директории.

Киевляне, склонные, как все южные люди, к иронии, сделали из нового «самостийного» правительства мишень для неслыханного количества анекдотов. Особенно веселило киевлян то обстоятельство, что в первые дни петлюровской власти опереточные гайдамаки ходили по Крещатику со стремянками, влезали на них, снимали все русские вывески и вешали вместо них украинские.

Петлюра привез с собой так называемый галицийский язык – довольно тяжеловесный и полный заимствований из соседних языков. И блестящий, действительно жемчужный, как зубы задорных молодлиц, острый, поющий, народный язык Украины отступил перед новым пришельцем в далекие шевченковские хаты и

в тихие деревенские левады. Там он и прожил «тишком» все тяжелые годы, но сохранил свою поэтичность и не позволил сломать себе хребет.

При Петлюре все казалось нарочитым – и гайдамаки, и язык, и вся его политика, и сивоусые громадяне-шовинисты, что выползли в огромном количестве из пыльных нор, и деньги, - все, вплоть до анекдотических отчетов Директории перед народом. Но об этом речь будет впереди.

При встрече с гайдамаками все ошалело оглядывались и спрашивали себя – гайдамаки это или нарочно. При вымученных звуках нового языка тот же вопрос невольно приходил в голову – украинский это язык или нарочно. А когда давали сдачу в магазине, вы с недоверием рассматривали серые бумажки, где едва-едва проступали тусклые пятна желтой и голубой краски, и соображали – деньги это или нарочно. В такие замусоленные бумажки, воображая их деньгами, любят играть дети.

Фальшивых денег было так много, а настоящих так мало, что население молчаливо согласилось не делать между ними никакой разницы. Фальшивые деньги ходили свободно и по тому же курсу, что и настоящие.

Не было ни одной типографии, где бы наборщики и литографы не выпускали бы, веселясь, поддельные петлюровские ассигнации – карбованцы и шаги. Шаг был самой мелкой монетой. Он стоил полкопейки.

Многие предприимчивые граждане делали фальшивые деньги у себя на дому при помощи туши и дешевых акварельных красок. И даже не прятали их, когда кто-нибудь посторонний входил в комнату.

Особенно бурное изготовление фальшивых денег, и самогона из пшена происходило в комнате у пана Ктуренды.

После того как этот велеречивый пан втиснул меня в гетманскую армию, он проникся ко мне расположением, какое часто бывает у палача к своей жертве. Он был изысканно любезен и все время

зазывал меня к себе.

Меня интересовал этот последний обмылок мелкой шляхты, дожившей до нашей (по выражению самого пана Ктуренды) «сногшибательной» эпохи.

Однажды я зашел к нему в тесную комнату, уставленную бутылками с мутной «пшенкой». Кисло пахло краской и тем особым специфическим лекарством, - я забыл сейчас его название, - каким залечивали в то время триппер.

Я застал пана Ктуренду за приготовлением петлюровских сторублевок. На них были изображены две волоокие дивчины в шитых рубахах, с крепкими голыми ногами. Дивчины эти почему-то стояли в грациозных позах балерин на затейливых фестонах и завитках, которые пан Ктуренда в это время как раз наводил тушью.

Мать пана Ктуренды – худенькая старушка с дрожащим лицом – сидела за ширмой и читала вполголоса польский молитвенник.

– Фестон есть альфа и омега петлюровских ассигнаций, - сказал мне пан Ктуренда наставительным тоном. – Вместо этих двух украинских паненок вы можете без всякого риска нарисовать телеса двух полных женщин, таких, как мадам Гомоляка. Это не важно. Важно, чтобы вот этот фестон был похож на правительственный. Тогда никто даже не подмигнет этим пышным пикантным дамам я охотно разменяет вам ваши сто карбованцев.

– Сколько же вы их делаете?

– Я рисую в день, - ответил пан Ктуренда и важно выпятил губы с подстриженными усиками, - до трех билетов. А также и пять. Зависимо от моего вдохновения.

– Бася! – сказала из-за ширмы старушка. - Сынку мой. Я боюсь.

– Ничего не будет, мамуся. Никто не посмеет посягнуть на особу пана Ктуренды.

– Я не тюрьмы боюсь,- вдруг неожиданно ответила старушка.- Я тебя боюсь, Бася.

– Водянистость мозга,- сказал пан Ктуренда и подмигнул на старушку.- Извините, мамуся, но не можете ли вы помолчать?

– Нет! – сказала старушка.- Нет, не могу. Бог накажет меня, если я не скажу всем людям, что мой сын,- старушка заплакала,- мой сын, как тот Иуда Искариот...

– Тихо! – закричал бешеным голосом Ктуренда, вскочил со стула и изо всей силы начал трясти ширму, за которой сидела старушка. Ширма затрещала, застучала ножками по полу, и из нее полетела желтая пыль.

– Тихо, сумасшедшая дура, или я завяжу вам рот керосиновой тряпкой.

Старушка плакала и сморкалась. «- Что это значит? – спросил я пана Ктуренду.

– Это есть мое личное дело,- вызывающе ответил Ктуренда. Его искаженное лицо было иссечено красными жилками, и казалось, вот-вот из этих жилок брызнет кровь.- Советую не совать нос в мои обстоятельства, если вы не желаете спать в общей могиле с большевиками.

– Негодяй! – сказал я спокойно.- Вы такой мелкий негодяй, что не стоите даже этих ста паршивых карбованцев.

– Под лед! – вдруг истерически закричал пан Ктуренда и затопал ногами.- Пан Петлюра таких, как вы, спускает в Днепр... под лед!

Я рассказал об этом случае Амалии. Она ответила, что, по ее догадкам, пан Ктуренда служил сыщиком у всех властей, раздиравших в то время в клочья Украину,- у Центральной рады, немцев, гетмана, а теперь у Петлюры.

Амалия была уверена, что пан Ктуренда начнет мне мстить и обязательно донесет на меня. Поэтому, как женщина заботливая и

практичная, она в тот же день установила свое собственное наблюдение за паном Ктурендой.

Но к вечеру все хитрые меры Амалии, предпринятые, чтобы обезвредить пана Ктуренду, оказались уже ненужными. Пан Ктуренда погиб на глазах у меня и Амалии, и его смерть была так же невыносимо глупа, как и вся его паскудная жизнь.

В сумерки на улице захлопали пистолетные выстрелы. В таких случаях я выходил на балкон, чтобы узнать, что происходит.

Я вышел на балкон и увидел, что по пустынной площади Владимирского собора бегут к нашему дому два человека в штатском, а за ними гонятся, явно боясь догнать их, несколько петлюровских офицеров и солдат. Офицеры на ходу стреляли в бегущих и неистово кричали: «Стой!»

В это время я заметил пана Ктуренду. Он выскочил из своей комнаты во флигеле, подбежал к тяжелой калитке, выходящей на улицу, и выхватил из замка огромный ключ, похожий на древний ключ от средневекового города. С ключом в руках пан Ктуренда притаился за калиткой. Когда люди в штатском пробегали мимо, пан Ктуренда распахнул калитку, высунул из нее руку с ключом (он держал его, как пистолет, и издали это действительно выглядело так, будто пан Ктуренда целился из старинного пистолета) и закричал пронзительным голосом:

– Стой! Большевистская падаль! Убью!

Пан Ктуренда хотел помочь петлюровцам и хотя бы на несколько секунд задержать беглецов. Эти секунды, конечно, решили бы их участь.

Я хорошо видел с балкона все, что случилось потом. Человек, бежавший сзади, поднял пистолет и, не целясь и даже не взглянув на Ктуренду, выстрелил на бегу в его сторону. Пан Ктуренда, визжа и захлебываясь кровью, покатился по булыжному двору, забил ногами по камням, затрепыхался, захрипел и умер с зажатым ключом в руке. Кровь стекала на его целлулоидовые

розовые манжеты, а в открытых глазах застыло выражение страха и злобы.

Только через час приехала облезлая карета скорой помощи и увезла пана Ктуренду в морг.

Старушка мать проспала смерть сына и узнала о ней к ночи.

Через несколько дней старушку отправили в старинную Сулимовскую богадельню. Я довольно часто встречал сулимовских богаделок. Они гуляли парами, как институтки, в одинаковых темных туалъденоровых платьях. Их прогулка напоминала торжественную процессию сухих жужелиц.

Я рассказал об этом незначительном случае с паном Ктурендой лишь потому, что он очень вязался со всем характером жизни при Директории. Все было мелко, нелепо и напоминало плохой, безалаберный, но временами трагический водевиль.

Однажды по Киеву были расклеены огромные афиши.

Они извещали население, что в зале кинематографа «Аре» Директория будет отчитываться перед народом.

Весь город пытался прорваться на этот отчет, предчувствуя неожиданный аттракцион. Так оно и случилось.

Узкий и длинный зал кинематографа был погружен в таинственный мрак. Огней не зажигали. В темноте весело шумела толпа.

Потом за сценой ударили в гулкий гонг, вспыхнули разноцветные огни рампы, и перед зрителями, на фоне театрального задника, в довольно крикливых красках изображавшего, как «чуден Днепр при тихой погоде», предстал пожилой, но стройный человек в черном костюме, с изящной бородкой – премьер Винниченко.

Недовольно и явно стесняясь, все время поправляя глазастый галстук, он проговорил сухую и короткую речь о международном положении Украины. Ему похлопали.

После этого на сцену вышла невиданно худая и совершенно запудренная девица в черном платье и, сцепив перед собой в явном отчаянии руки, начала под задумчивые аккорды рояля испуганно декламировать стихи поэтессы Галиной:

Рубають ліс зелений, молодий...

Ей тоже похлопали.

Речи министров перемежались интермедиями. После министра путей сообщения девчата и парубки сплясали гопака.

Зрители искренне веселились, но настороженно затихли, когда на сцену тяжело вышел пожилой «министр державных балянсов», иначе говоря министр финансов.

У этого министра был взъерошенный и бранчливый вид. Он явно сердился и громко сопел. Его стриженная ежиком круглая голова блестела от пота. Сивые запорожские усы свисали до подбородка.

Министр был одет в широченные серые брюки в полоску, такой же широченный чесучовый пиджак с оттянутыми карманами и в шитую рубаху, завязанную у горла тесемкой с красными помпончиками.

Никакого доклада он делать не собирался. Он подошел к рампе и начал прислушиваться к гулу в зрительном зале. Для этого министр даже поднес ладонь, сложенную чашечкой, к своему мохнатому уху. Послышался смех.

Министр удовлетворенно усмехнулся, кивнул каким-то своим мыслям и спросил:

– Москали?

Действительно, в зале сидели почти одни русские. Ничего не подозревавшие зрители простодушно ответили, что да, в зале сидят преимущественно москали.

-Т-а-ак!-зловеще сказал министр и высморкался в широченный клетчатый платок.- Очень даже понятно. Хотя и не дуже приятно.

Зал затих, предчувствуя недоброе.

– Якого ж биса,- вдруг закричал министр по-украински и покраснел, как бурак,- вы приперлись сюда из вашей поганой Москвы? Як мухи на мед. Чего вы тут не бачили? Бодай бы вас громом разбило! У вас там, в Москве, доперло до того, что не то что покушать немає чего, а и немає чем.

Зал возмущенно загудел. Послышался свист. Какой-то человек выскочил на сцену и осторожно взял «министра балянсов» за локоть, пытаясь его увести. Но старик распалился и так оттолкнул человека, что тот едва не упал. Старика уже несло по течению. Он не мог остановиться.

– Що ж вы мовчите?- спросил он вкрадчиво.- Га? Придуриваетесь? Так я за вас отвечу. На Украине вам и хлеб, и сахар, и сало, и гречка, и квитки. А в Москве дулю сосали с лампадным маслом. Ось як!

Уже два человека осторожно тащили министра за полы чесучового пиджака, но он яростно отбивался и кричал:

– Голопупы! Паразиты! Геть до вашей Москвы! Там маете свое жидивске правительство! Геть!

За кулисами появился Винниченко. Он гневно махнул рукой, и красного от негодования старика наконец уволокли за кулисы. И тотчас, чтобы смягчить неприятное впечатление, на сцену выскочил хор парубков в лихо заломленных смушковых шапках, ударили бандуристы, и парубки, кинувшись вприсядку, запели:

Ой, що там лежит за покойник,
То не князь, то не пан, не полковник -
То старой бабы-мухи полюбовник!

На этом отчет Директории перед народом закончился. С насмешливыми криками: «Геть до Москвы! Там маете свое жидивске правительство!»- публика из кино «Арс» повалила на улицу.

Власть украинской Директории и Петлюры выглядела

провинциально.

Некогда блестящий Киев превратился в увеличенную Шполу или Миргород с их казенными присутствиями и заседавшими в них Довгочхунами.

Все в городе было устроено под старосветскую Украину, вплоть до ларька с пряниками под вывеской «О це Тарас с Полтавщины». Длинноусый Тарас был так важен и на нем топорщилась и пылала яркой вышивкой такая белоснежная рубаха, что не каждый отваживался покупать у этого оперного персонажа жамки и мед.

Было непонятно, происходит ли нечто серьезное или разыгрывается пьеса с действующими лицами из «Гайдамаков».

Сообразить, что происходит, не было возможности. Время было судорожное, порывистое, перевороты шли наплывами. В первые же дни появления каждой новой власти возникали ясные и грозные признаки ее скорого и жалкого падения.

Каждая власть спешила объявить побольше деклараций и декретов, надеясь, что хоть что-нибудь из этих декларации просочится в жизнь и в ней застрянет.

От правления Петлюры, равно как и от правления гетмана, осталось ощущение полной неуверенности в завтрашнем дне и неясности мысли.

Петлюра больше всего надеялся на французов, занимавших в то время Одессу. С севера неумолимо нависали советские войска.

Петлюровцы распускали слухи, будто французы уже идут на выручку Киеву, будто они уже в Виннице, в Фастове и завтра могут появиться даже в Бояре под самым городом бравые французские зуавы в красных штанах и защитных фесках. В этом клялся Петлюре его закадычный друг французский консул Энно.

Газеты, ошалевшие от противоречивых слухов, охотно печатали всю эту чепуху, тогда как почти всем было известно, что французы сиднем сидят в Одессе, в своей французской

оккупационной зоне, и что «зоны влияний» в городе (французская, греческая и украинская) просто отгорожены друг от друга расшатанными венскими стульями.

Слухи при Петлюре приобрели характер стихийного, почти космического явления, похожего на моровое поветрие. Это был повальный гипноз.

Слухи эти потеряли свое прямое назначение – сообщать вымышленные факты. Слухи приобрели новую сущность, как бы иную субстанцию. Они превратились в средство самоуспокоения, в сильнейшее наркотическое лекарство. Люди обретали надежду на будущее только в слухах. Даже внешне киевляне стали похожи на морфинистов.

При каждом новом слухе у них загорались до тех пор мутные глаза, исчезала обычная вялость, речь из косноязычной превращалась в оживленную и даже остроумную.

Были слухи мимолетные и слухи долго действующие. Они держали людей в обманчивом возбуждении по два-три дня.

Даже самые матерые скептики верили всему, вплоть до того, что Украина будет объявлена одним из департаментов Франции и для торжественного провозглашения этого государственного акта в Киев едет сам президент Пуанкаре или что киноактриса Вера Холодная собрала свою армию и, как Жанна д'Арк, вошла на белом коне во главе своего бесшабашного войска в город Прилуки, где и объявила себя украинской императрицей.

Одно время я записывал все эти слухи, но потом бросил. От этого занятия или смертельно разбалывалась голова, или наступало тихое бешенство. Тогда хотелось уничтожить всех, начиная с Пуанкаре и президента Вильсона и кончая Махно и знаменитым атаманом Зеленым, державшим свою резиденцию в селе Триполье около Киева.

Эти записи я, к сожалению, уничтожил. По существу это был чудовищный апокриф лжи и неудержимой фантазии беспомощных,

растерявшихся людей.

Чтобы немного прийти в себя, я перечитывал прозрачные, прогретые немеркнущим светом любимые книги:

«Вешние воды» Тургенева, «Голубую звезду» Бориса Зайцева, «Тристана и Изольду», «Манон Леско». Книги эти действительно сияли в сумраке смутных киевских вечеров, как нетленные звезды.

Я жил один. Мама с сестрой все еще были наглухо отрезаны от Киева. Я ничего о них не знал.

Я решил весной пробираться в Копань пешком, хотя меня и предупреждали, что по пути лежит буйная «Дымерская» республика и что живым я через эту республику не пройду. Но тут накатили новые события, и о путешествии пешком в Копань нечего было и думать.

Я был один со своими книгами. Я пытался кое-что писать, но все это выходило бесформенно и напоминало бред.

Одиночество со мной разделяли только ночи, когда тишина завладевала всем кварталом и нашим домом и не спали только редкие патрули, облака и звезды.

Шаги патрулей доносились издалека. Я каждый раз гасил коптилку, чтобы не наводить патрульных на наш дом. Изредка я слышал по ночам, как плакала Амалия, и думал о том, что ее одиночество гораздо тяжелее моего.

Каждый раз после ночных слез она несколько дней разговаривала со мной надменно и даже враждебно, но потом вдруг застенчиво и виновато улыбалась и снова начинала так же преданно заботиться обо мне, как заботилась о всех своих постояльцах.

В Германии началась революция. Немецкие части, стоявшие в Киеве, аккуратно и вежливо выбрали свой Совет солдатских депутатов и стали готовиться к возвращению на родину. Петлюра решил воспользоваться слабостью немцев и разоружить их. Немцы

узнали об этом.

Утром, в день, назначенный для разоружения немцев, я проснулся от ощущения, будто стены нашего дома мерно качаются. Грохотали барабаны.

Я вышел на балкон. Там уже стояла Амалия. По Фундуклеевской улице молча шли тяжелым шагом немецкие полки. От марша кованых сапог позвякивали стекла. Предостерегающе били барабаны. За пехотой так же угрюмо, дробно цокая подковами, прошла кавалерия, а за ней, гремя и подскакивая по брусчатой мостовой, - десятки орудий,

Без единого слова, только под бой барабанов, немцы обошли по кругу весь город и вернулись в казармы.

Петлюра тотчас отменил свой секретный приказ о разоружении немцев.

Вскоре после этой молчаливой демонстрации немцев с левого берега Днепра начала долетать отдаленная артиллерийская стрельба. Немцы быстро очищали Киев. Стрельба делалась все слышнее, и город узнал, что от Нежина быстро подходят с боями советские полки.

Когда бой начался под самым Киевом, у Броваров и Дарницы, и всем стало ясно, что дело Петлюры пропало, в городе был объявлен приказ петлюровского коменданта.

В приказе этом было сказано, что в ночь на завтра командованием петлюровской армии будут пущены против большевиков смертоносные фиолетовые лучи, предоставленные Петлюре французскими военными властями при посредстве «друга свободной Украины» французского консула Энно.

В связи с пуском фиолетовых лучей населению города предписывалось во избежание лишних жертв в ночь на завтра спуститься в подвалы и не выходить до утра.

Киевляне привычно полезли в подвалы, где они отсиживались во

время переворотов. Кроме подвалов, довольно надежным местом и своего рода цитаделью для скудных чаепитий и бесконечных разговоров стали кухни. Они большей частью были расположены в глубине квартир, куда реже залетали пули. Нечто успокоительное чувствовалось в запахе скудной еды, еще сохранившемся в кухне. Там иногда даже капала из крана вода. За какой-нибудь час можно было набрать полный чайник, вскипятить его и заварить крепкий чай из сушеных листьев брусники.

Каждый, кто пил по ночам этот чай, согласится с тем, что он был тогда единственной нашей поддержкой, своего рода эликсиром жизни и панацеей от бед и скорбей.

Мне казалось тогда, что страна несется в космически непроницаемые туманы. Не верилось, что под свист ветра в простреленных крышах, над непробудными этими ночами, замешанными на саже и отчаянии, просочится когда-нибудь стылый рассвет, просочится только для того, чтобы снова можно было увидеть пустынные улицы и бегущих по ним неизвестно куда позеленевших от холода и недоедания людей в заскорузлых обмотках, с винтовками всех марок и калибров.

Пальцы сводило от стальных затворов. Все человеческое тепло было выдута без остатка из-под жидких шинелей и колючих бязевых рубах.

В ночь «фиолетового луча» в городе было мертвенно тихо. Даже артиллерийский огонь замолк, и единственное, что было слышно, - это отдаленный грохот колес. По этому характерному звуку опытные киевские жители поняли, что из города в неизвестном направлении поспешно удаляются армейские обозы.

Так оно и случилось. Утром город был свободен от петлюровцев, выметен до последней соринки. Слухи о фиолетовых лучах для того и были пущены, чтобы ночью уйти без помехи.

Киев, как это с ним бывало довольно часто, оказался без власти. Но атаманы и окраинная «шпана» не успели захватить город. В полдень по Цепному мосту в пару от лошадиных круп,

громе колес, криках, песнях и веселых переливах гармошек вошли в город Богунский и Таращанский полки Красной Армии, и снова вся жизнь в городе переломилась в самой основе.

Произошла, как говорят театральные рабочие, «чистая перемена декораций», но никто не мог угадать, что она сулит изголодавшимся гражданам. Это могло показать только время.»

К. Паустовский